

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ В АКАДЕМИЧЕСКИХ СОБРАНИЯХ РОССИИ

Доклады научной конференции

Издание подготовили
И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова

Санкт-Петербург
2000

А. Г. Сазыкин

**СОБРАНИЕ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ
И КСИЛОГРАФОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Среди более чем сорока коллекций монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся за пределами Монголии, самое многочисленное собрание находится в монгольском фонде рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук (далее — фонд). История фонда, в котором в настоящее время насчитывается свыше восьми тысяч единиц хранения монгольских рукописных и печатных книг, восходит к 1720 г., когда в библиотеку Кунсткамеры поступили первые монгольские рукописи, найденные в развалинах буддийского монастыря Аблай-хит на Иртыше.

После основания в 1818 г. Азиатского музея эти материалы были переданы туда вместе с рукописями и ксилографами из коллекции И. Иерига, также доставленными в Санкт-Петербург в XVIII столетии. С этого времени и вплоть до 1955 г. в фонды музея поступило еще 43 коллекции монгольских письменных материалов, привезенных отечественными востоковедами практически из всех частей обширнейшей территории расселения монгольских племен — от Халхи до Поволжья и от Южной Монголии до Бурятии.

Коллекции эти весьма различны по своему объему — от одного пекинского ксилографированного издания, числящегося в коллекции VII, до 475 рукописей и ксилографов, переданных в Музей из Казанской Духовной академии. Разнообразны они и по своему составу. Так, если на

начальной стадии формирования монгольского фонда Азиатского музея туда доставлялось все, что могло быть приобретено в записи на монгольской графике, то позже стал проводиться уже более тщательный, целенаправленный подбор монгольских письменных источников.

Особенно явственно это проявилось в конце XIX—начале XX в., когда в Музей стали поступать коллекции таких известных российских монголоведов, как К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, А. Д. Руднев, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Я. Владимирцов. Собранные ими материалы во многом отражали их научные интересы, и потому неудивительно, что именно в указанных коллекциях представлены наиболее ценные в научном отношении, зачастую редкие, а порой и уникальные памятники монгольской старописьменной словесности.

Этим и объясняется то обстоятельство, что среди рукописей и ксилографов, доставленных в хранилище Азиатского музея (с 1930 г. — Института востоковедения) до 1955 г. и образовавших там старую часть монгольского фонда, объединившую 3305 единиц хранения, находим почти все имеющиеся в фонде исторические сочинения монгольских народов, материалы об их административной и хозяйственной деятельности, сборники степных законов, словари. Много здесь рукописных памятников монгольской оригинальной и переводной литературы. Только в старой части монгольского фонда Института можно обнаружить записи эпоса и фольклора.

Существенно отличается по своему составу новая часть фонда (шифр Q). Формирование этой части было начато в 1970 г. из рукописей и ксилографов, выделенных при разборке тибетского фонда Института. В настоящее время под шифром «Q» числится свыше пяти тысяч единиц хранения. Преимущественно это каноническая, обрядовая и религиозно-нравственная литература. Широко представлены также всевозможные гадательные и медицинские справочники, филологические работы, «шаманские» молитвы.

Значительную часть новых поступлений составляют пекинские и бурятские ксилографированные издания. В результате этого фонд обладает теперь наиболее представительной коллекцией ксилографов на монгольском языке, позволяющей существенно расширить наши знания об истории монгольского книгопечатания.

О деятельности пекинских печатных дворов по изданию литературы на монгольском языке достаточно хорошо известно благодаря монографии В. Хайссига [1] и опубликованным каталогам и описаниям зарубежных коллекций монгольских старописьменных материалов. В собрании фонда, располагающем 210 пекинскими изданиями, имеются, конечно, не все издания, учтенные в работах зарубежных востоковедов. Но в то же время здесь хранится не менее двадцати пекинских изданий, отсутствующих в других аналогичных коллекциях.

Среди них можно назвать, например, фрагменты ксилографа XIV в., найденные П. К. Козловым в развалинах субургана в Хара-Хото, уникальное ксилографированное издание гимнов в честь бодхисаттвы Манджушри в переводе Аюши-гуши, два издания «Панчаракши», одно из которых также содержит перевод Аюши-гуши, два неизвестных прежде издания сборника сутр и тарни (заклинаний) «Сундуй», шестнадцатитомное издание 1734 г. «Стотысячного Юма».

Еще более полезным фонд может оказаться для изучения истории бурятского ксилографирования. Ценность коллекций монгольского фонда Азиатского музея для этих целей в свое время отмечал Б. Я. Владимирцов в подготовленном им описании монгольских материалов, поступивших в музей от А. Д. Руднева [2], где в значительной мере были представлены как раз бурятские ксилографы. С тех пор собрание бурятских печатных изданий на монгольском языке значительно пополнилось и в настоящее время в собрании Института хранится более трех тысяч бурятских ксилографов и литографий, в которых представлено до пятисот различных изданий.

И пекинские и бурятские ксилографы содержат преимущественно буддийскую литературу, в рамках которой в первую очередь следует отметить монгольские переводы канонических сочинений. Первые переводы таких сочинений появились уже в XIV столетии. С началом распространения буддизма в его тибетском реформированном виде монгольские литераторы вновь активно принялись за переводы сочинений из тибетских канонических сборников «Ганджур» и «Данджур». Особенно активно такая работа велась во второй половине XVI—XVII в., т. е. еще до окончательного формирования монгольского классического пись-

менного языка. Поэтому понятен интерес филологов-монголоведов к переводам той поры, сохранившим следы монгольского доклассического письменного языка.

Работа монгольских литераторов над переводами буддийской канонической литературы, продолжавшаяся на протяжении нескольких столетий, велась в разных, порой весьма удаленных друг от друга, уголках северной и южной Монголии, а также у западных монголов (ойратов). В результате можно нередко обнаружить несколько монгольских переводов одного и того же канонического сочинения. Причем некоторые переводы представлены порой немалым числом ксилографированных и рукописных изданий, тогда как другие сохранились в единичных рукописных экземплярах.

В фонде хранится несколько редких монгольских переводов сочинений, включенных в буддийский Канон. Из них можно назвать, например, «Тарпа чэн-по» в переводе Алтангэрэл убашаи, «Сутру о Вималакирти» в переводе Эргилуа Ринчина, еще один (уже пятый), остающийся пока анонимным, перевод «Ваджраччхедики».

Неплохо представлена в фонде также буддийская обрядовая и богослужебная литература. В ее состав входят руководства по совершению обрядов созерцания буддийских божеств, описания обрядов «лама-йога» и «гуру-йога». Есть тексты с описаниями обрядов жертвоприношения «трем драгоценностям» и ламам-наставникам, а также обрядов вероисповедания, чтения тарни и магической формулы «мани». Особое место среди обрядовой литературы занимают тексты, используемые во время похоронной церемонии. В первую очередь это, разумеется, «Книга мертвых» и многочисленные выписки из нее, а также рукописные описания обряда «пхо-ба».

К числу обрядовой и богослужебной литературы следует отнести и сборники текстов, используемых в повседневных монастырских службах. Издание такой литературы для нужд многочисленных монгольских монастырей было налажено в Пекине уже в конце XVII—первой половине XVIII в. За это время как минимум пять раз издавался сборник «Сундуй». В XVIII столетии были ксилографированы сборник переводов литургических текстов, используемых в практике тибетского монастыря Даший-Лхунбо, и два других объемных свода молитв, гимнов и благопожеланий.

Подобная литература прежде необычайно широко распространялась среди монгольских буддистов и в рукописном виде. В фонде хранится, например, не менее тридцати рукописей, в которых помещены такие полезные в повседневной жизни скотовода заклинания, как извлеченные из «Сундуя» тарни, оберегающие скот от болезней и падежа, ограждающие от клеветы и злословия, избавляющие человека от болезней и преждевременной смерти. Здесь же находим более четырехсот рукописных экземпляров отдельных молитв, гимнов, благопожеланий, а также до тридцати сборников, в которых в самых разных сочетаниях и количествах представлены эти поэтические образцы буддийской письменной словесности.

Необходимо особо отметить, что, несмотря на очевидные успехи пекинских, а с XIX в. и бурятских издателей в выпуске буддийской канонической и обрядовой литературы, в фонде имеется большое число рукописных копий ксилографированных изданий сочинений такого рода. Эти копии, как правило, не представляют особого интереса для изучения истории монгольской книги. Однако бывают исключения, и копии могут сослужить добрую службу в тех случаях, когда ксилографированный оригинал до нас не дошел и о его существовании можно судить лишь по его рукописной копии. Так, например, в фонде хранится копия с несохранившегося монгольского ксилографа «Сутры золотого блеска» 1587 г. издания и копия ойратского ксилографированного издания «Ваджрачchedики» первой половины XVIII в. Здесь же находится полная копия «Сундуя», ксилографированного в 1673 г. и известного пока лишь по неполному экземпляру, также имеющемуся в фонде.

Буддийская догматическая литература в фонде представлена пекинскими и бурятскими ксилографированными изданиями «Лам-рима» Цзонхавы и комментариев к нему, рукописными экземплярами буддийского катехизиса «Тонилхуй-йин чимег» и серией текстов с изложением основ буддийского учения о спасении и способах обретения святости.

Располагает фонд неплохой коллекцией сочинений по буддийской космологии. Наибольшим числом рукописей представлены два из них — «Чихула хэрэглегчи» (11 ед. хр.) и «Эрдэни шаштр» (9 ед. хр.), содержащие соответствующее

представлениям буддистов описание Вселенной, а также рукописные и ксилографированные описания отдельных ее частей — легендарной страны Шамбала, буддийского рая Сукавади и буддийского ада.

Агиографическая литература в фонде представлена тридцатью пекинскими и бурятскими ксилографированными изданиями. Первыми в Пекине в 1712 г. были напечатаны «Мани гамбу», легенды о деяниях Авалокитешвары и тибетского царя Сонгцэн Гампо, почитавшегося перерождением этого бодхисаттвы, и «Падма гатан», жизнеописание Падма Самбхавы. Позднее появились жития Будды Шакьямуни, Атиши, Марпы, Цзонхавы, Миларайбы. Изданы были в Пекине также биографии тибетских Далай-лам и пекинских Джанджа-хутухт.

В отличие от житийной литературы, посвященной главным образом описанию чудесных способностей буддийских святителей и потому не представляющей для историков особенной ценности, в рамках монгольской письменной словесности появилось жизнеописание, дающее подробные, достоверные сведения об истории монголов XVII в. Речь идет о биографии ойратского Зая-пандиты Намхай-Джамцо. В фонде этот ценнейший историко-биографический памятник представлен двумя рукописями, которые были разысканы, приобретены и в конечном итоге сохранены для науки такими известными собирателями монгольских старописьменных памятников, как А. В. Бурдуков и А. М. Позднеев.

Благодаря многолетним трудам российских востоковедов фонд пополнился немалым числом и других ценных памятников монгольской историографии. В настоящее время в фонде хранятся, например, пять рукописей летописи Саган Сэцэна, три полных списка анонимной летописи «Алтан тобчи», две рукописи сочинения «Шара туджи» и ряд других исторических трудов монгольских авторов XVII—XIX вв.

Обладает фонд также значительной коллекцией бурятских летописей и родословных, практически не встречающихся в зарубежных рукописных собраниях. В их числе находим сочинения Юмсунова, Хобитуева, Тобоева, Тарбаева и некоторых других бурятских летописцев XIX в.

Важнейшим трудом по ойратской историографии является «История ойратов» Габан Шараба. В фонде имеются

две ойратских и одна монгольская рукописи этого сочинения.

Почти все исторические сочинения монгольских народов находятся в составе старой части фонда и учтены в описании Л. С. Пучковского [3], а следовательно, достаточно хорошо известны востоковедам. К тому же следует учесть, что монгольские летописи всегда привлекали особое внимание монголоведов и потому большинство их к настоящему времени уже изучены и опубликованы.

В описание Л. С. Пучковского включены также сведения практически о всех имеющихся в фонде письменных материалах по монгольскому праву и административному устройству монголов и бурят. Наибольшую научную ценность среди них представляют рукописные сборники монголо-ойратских законов 1640 г. «Их цааз» и рукописи монгольских законоуложений XVIII в. «Халха джирум». Интересны и разнообразны хранящиеся здесь подборки монгольских и бурятских административных документов и официальных отношений, а также документы о внешних сношениях и пограничных делах.

Среди материалов, включенных в старую часть фонда, заслуживает внимания и коллекция грамот и писем, насчитывающая до двухсот единиц хранения. В этой коллекции находятся, в частности, иллюстрированная грамота-свиток Алтан-хана тумэтского, датированная 1580 г., грамота Петра I купцу Спиридону Ливаковому от 1697 г., копия так называемой «грамоты вдовы Дармапаловой», написанной квадратным письмом Пагба-ламы. Есть здесь также письма калмыцких ханов Аюки и Цэрин-Дондуба начала XVIII в. Большинство же писем было написано в XIX—начале XX в. и адресовано О. М. Ковалевскому (97 писем), Г. Гомбоеву, А. В. Бурдукову, Ц. Ж. Жамцарано.

Собрание писем, адресованных российским монголоведам, интересное уже хотя бы потому, что ничего подобного нет в других монгольских рукописных коллекциях, замечательно еще и тем, что со всей очевидностью показывает исключительно доброжелательные и даже дружеские отношения, неизменно устанавливавшиеся у российских востоковедов с населением монгольских, бурятских и калмыцких улусов. Дружеские контакты, несомненно, способствовали успешной научной деятельности ученых и, в частности, много помогали им в поисках и приобретении

наиболее ценных для науки памятников монгольской письменности.

Так, например, в коллекции А. В. Бурдукова, насчитывающей всего 32 единицы хранения, находим весьма ценные для науки тексты таких монгольских эпических сказаний, как «Повесть о Хане Харангуй», «Легенда о царевице Догшин Чингил», «Дайни Курлю». Исключительно благодаря содействию А. В. Бурдукова Азиатский музей получил полный текст биографии ойратского Зая-пандиты, рукопись ойратской версии «Двадцати пяти сказок Волшебного мертвеца», монгольский рукописный сборник рассказов из «Панчатантры».

Имеется в коллекции А. В. Бурдукова также рукопись восьми глав «Гэсэра». Это произведение героического эпоса монголов известно прежде всего по пекинскому ксилографированному изданию 1716 г., состоящему из семи глав. В фонде помимо рукописи Бурдукова хранятся еще несколько рукописей с дополнительными главами «Гэсэра». Чаще всего это восьмая и девятая главы. Есть и так называемая «версия Номчи-хатун» из двенадцати глав. В одной из южномонгольских рукописей помещены тринадцатая и пятнадцатая главы. Кроме того, в фонде хранятся запись бурятского «Гэсэра» и монгольский перевод тибетского «Лин Гэсэра».

Особо следует упомянуть огромную работу российских монголоведов по собиранию и записи монгольского и калмыцкого фольклора. Более других в этом преуспели Г. С. Лыткин, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, Ц. Ж. Жамцарано. Благодаря главным образом их трудам фонд обладает теперь коллекцией сказок (17 ед. хр.), пословиц, поговорок, загадок (16 ед. хр.), застольных и приветственных речей (26 ед. хр.), песен (46 ед. хр.), сказаний о Чингис-хане и его поучений (44 ед. хр.).

Хорошо представлены в фонде и так называемые «шаманские» рукописи. Описание семидесяти образцов «шаманской» лирики, имевшихся в старой части фонда, было опубликовано Н. Н. Поппе в 1932 г. [4]. Со времени выхода в свет этой работы количество рукописных материалов по указанной тематике в фонде удвоилось. Наибольшее число рукописей, поступивших в фонд в составе коллекции «Q», вошло в разделы «Культ огня» (20 ед. хр.), «Культ тэнгриев» (19 ед. хр.), «Культ земель и гор» (11 ед. хр.).

Немалый интерес, на наш взгляд, представляют сравнительно небольшие по количеству материала рубрики «Культ Чингис-хана» (8 ед. хр.) и «Культ императоров» (2 ед. хр.), в которых представлены редкие, а в некоторых случаях и уникальные письменные образцы. Отдельного упоминания заслуживает и подборка рукописей, содержащих описание обряда призывания души умершего. Она состоит всего из дюжины рукописей, но является, тем не менее, наиболее полным в мире собранием записей этого издревле распространенного среди монгольских народов обряда.

Весьма различны по времени и месту происхождения хозяйственные и административные документы, включенные в собрание фонда. Есть здесь, например, фрагмент рукописи XIV в. с записью о распределении овец и другой средневековый документ с распиской в получении пшеницы, найденный П. К. Козловым в Хара-Хото. Включены в фонд материалы о некоторых бурятских дацанах по состоянию на 1831 г. и приходно-расходные книги монгольского монастыря Даши-Чоймпил за время с 1918 по 1933 г.

Заслуживает, несомненно, внимания литературная часть фонда. Лучше всего в ней представлены переводы индо-тибетской литературы. Некоторые переводы неоднократно печатались в Пекине и в бурятских дацанах. Так, например, в фонде имеются пять ксилографированных изданий «Субхашиты» и два издания сборника сказок «Комментария к Субхашите». Здесь же находятся два ксилографированных и одно литографированное издание сказок «Комментария к капле аршана, питающей людей». Дважды были напечатаны «Повесть о Лунной кукушке» и «Повесть о Молон-тойне».

Однако же наиболее значительная и интересная часть монгольской переводной литературы заключена в рукописях. Именно в них находим редкие, ценнейшие для науки образцы письменной словесности монгольских народов. Так, в фонде хранятся такие, например, раритеты, как сборник рассказов из «Панчатантры», сборники 25 и 35 «Сказок Волшебного мертвеца». В единственных рукописных экземплярах дошли до нас ойратская версия «Повести о Молон-тойне» и монгольская версия этой повести в переводе Алтангэрэл-убаши. Уникальна также рукопись «По-

вести о Чойджид-дагини» в переводе южномонгольского литератора Лубсан-лиг-шад-дарджая.

Наряду с переводами индо-тибетской сказочной и повествовательной литературы, получили значительное распространение среди монголов и переводы китайских романов и повестей. Первые из них появились в XVIII в., а к началу XX столетия насчитывалось уже не менее семидесяти монгольских переводов китайской прозы. В фонде имеются рукописи 15 переводных романов и в том числе таких весьма внушительных по объему сочинений, как «Путешествие на Запад» (10 тетрадей), «Пьяный монах» (26 тетрадей), «Чжун-дагини» (29 тетрадей), «Возвышение в ранг духов» (23 тетради).

Большинство рукописей с переводами китайских романов и повестей было доставлено в Азиатский музей Ц. Ж. Жамцарано, А. В. Бурдуковым и Б. Я. Владимирцовым из Пекина и Монголии. Ни в бурятских, ни в ойратских (калмыцких) рукописях мы не обнаружили ни одного перевода китайской прозы. Таким образом, очевидно, что эта литература получила распространение не у всех монгольских народов; к тому же такие переводы появились уже в довольно поздний период развития монгольской письменной словесности. Все же китайская литература оказала несомненное влияние на творчество монгольских авторов XIX столетия.

Одним из самых ранних литературных произведений, созданным под влиянием китайской повествовательной литературы, может быть признана «Повесть о Нарану-Гэрэл». Первоначальная ее редакция, рукописный экземпляр которой сохранился в фонде, обнаруживает несомненное китайское литературное влияние, под которым пребывал остающийся пока безымянным автор повести. Впоследствии текст сочинения был существенно переработан в соответствии с традициями буддийской дидактической повествовательной литературы, многие столетия доминировавшей в письменной словесности монголов.

Начало, положенное сочинителем «Повести о Нарану-Гэрэл», оказалось весьма удачным, и в 1812 г. харачинский литератор Буянтогтоху, используя мотивы китайского романа «Путешествие на Запад», написал «Повесть о деве Прекрасный Лотос», во многом отходившую от стереотипов буддийской повествовательной литературы.

Коснувшись вклада монгольских авторов в создание оригинальной, собственно монгольской старописьменной литературы, следует признать, что он был весьма скромным. Такое положение, по мнению Ц. Дамдинсүрэнэ, объяснялось тем, что «монгольские писатели не так уж обращали внимание на то, чтобы сочинять самим. Многие из них всю жизнь занимались только переводами» [5]. Справедливости ради все же отметим, что произведения тибетской повествовательной литературы, попав на монгольскую почву, не всегда оставались в своем первоначальном виде, а порой существенно перерабатывались и дополнялись. К числу таких монгольских обработок можно отнести прозапоэтическую версию «Повести о Чойджид-дагини», представленную в фонде тремя рукописями, а также сборник 22 рассказов о пользе «Ваджраччхедики», известный нам по бурятскому ксилографированному изданию.

К произведениям, созданным в рамках старописьменной монгольской литературы, с большой долей вероятности можно отнести «Повесть о Гусю-ламе» — небольшое сочинение на сюжет путешествия в ад, появившееся в Бурятии не ранее конца XVIII—начала XIX в.

Лучше представлена в фонде монгольская авторская поэзия. Здесь можно найти грустные и веселые стихи Ишидандзинванджила, частично иллюстрированный сборник шуточных стихов Хульч-Сандага, стихи ордосского поэта Кешигбату, стихотворный сургал (поучение) «Бумажная птица» Равджая.

Буддийская литература религиозно-нравственного содержания, вошедшая в состав фонда, насчитывает более трехсот единиц хранения. Большую их часть составляют небольшие сочинения бурятских лам, среди которых особенно много сочинений настоятеля Агинского дацана Д. Данжинова, написавшего и издавшего серию работ, в которых изложены такие, например, важнейшие требования, предъявляемые буддийской церковью к своим адептам, как необходимость почитания старших и родителей, беспрекословного послушания и полного доверия ламам-учителям, усердного изучения слов Будды и наставлений высших буддийских иерархов. Некоторые работы посвящены популярному изложению учения о десяти «черных грехах» и десяти «белых добродетелях» и их влиянии на судьбу живых существ. Есть также наставления о достой-

ном поведении женщин, о порядке проведения празднеств, о необходимости «очищения» употребляемого в пищу мяса, о пагубности пристрастия к азартным играм, водке и табаку. Сочинения эти чаще всего компилятивного характера и включают подходящие к той или иной проповеди извлечения из буддийских канонических и догматических сочинений.

Религиозно-нравственные проповеди часто распространялись и в виде так называемых «посланий», или «наказов», высших лам буддийской церкви. Чаще всего авторами таких «посланий» назывались тибетские Далай-ламы и Панчен-ламы, пекинские Джанджа-хутухты и ургинские Джебцун Дамба-хутухты. Необычайно популярны среди монгольских народов были и «послания-пророчества», в которых обычно предвещалось наступление тяжелых времен и давалось наставление о пользе и спасительной силе учения Будды.

«Послания-наказы» и «послания-пророчества» встречаются, конечно, и в других зарубежных коллекциях монгольских рукописей и ксилографов. Тем не менее, фонд, где имеется более двухсот рукописей с «посланиями» не только тибетских и монгольских буддийских иерархов, но и некоторых бурятских лам, оказывается вне конкуренции и дает наибольшую возможность для изучения этого жанра монгольской письменной словесности.

Несомненный интерес, на наш взгляд, представляют образцы географической литературы, включенные в фонд. Среди них двенадцать рукописей и пекинских ксилографов (в том числе и редких) с описанием монастырей и буддийских святынь на горе Утайшань, а также десять рукописей с описаниями путешествий к святым местам Тибета, Непала и Индии. Первое из таких путешествий было совершено в XVIII в. бурятским хамбо-ламой Доржи-Заяевым. Остальные были предприняты в конце XIX в. тоже бурятскими паломниками Миджид-Дорджи, Андагавым, Зангияином. В настоящее время эта коллекция записей бурятских паломников является более полной, чем где бы то ни было.

Нельзя не упомянуть и о многообразии многочисленной специальной, практической литературы, имеющейся в фонде. Медицинской тематике в фонде посвящено до 130 единиц хранения. Чаще всего здесь встречаются пекинские и

бурятские ксилографированные издания переводов двух основных трактатов тибетской медицины — «Джуд-ши» и «Лхантаб», а также рукописные копии и выписки из указанных сочинений. Здесь же находим пособия по диагностике некоторых болезней, терапевтические справочники (руководства о способах кровопускания, иглотерапии и прижиганий), а также многочисленные фармакопеи.

Обширен и разнообразен раздел «Филология». Грамматики монгольского языка представлены преимущественно ксилографированными и рукописными изданиями сочинений «Джирухэну толта» и «Хэлэну чимег». Есть также учебники, разговорники и значительное число печатных и рукописных азбук монгольского и тибетского языков. Наибольший интерес в этом разделе представляют все же словари. Среди приблизительно четырех десятков словарей есть немало пекинских и бурятских изданий, уже достаточно хорошо известных востоковедам. Имеются, однако, и несколько раритетов, в числе которых пятиязычное пекинское и трехязычное бурятское ксилографированные издания краткой редакции терминологического словаря «Махавьютпатти», рукописный пятиязычный словарь имен будд и бодхисаттв и ойратская рукопись терминологического словаря в переводе Зая-пандиты Намхай-Джамцо.

В отличие от многочисленных филологических работ, астрономические сочинения на монгольском языке, имеющиеся в фонде, ограничиваются единственным пекинским изданием перевода китайского астрономического трактата да тремя краткими выписками из астрономических сочинений. Правда, к этой тематической рубрике примыкают руководства по составлению календарей и сами календари, где всегда помещены астрономические сведения. В фонде хранятся девять пекинских ксилографированных календарей, самый ранний из которых относится к 1722 г., и более двух десятков бурятских рукописных и литографированных календарей на годы первой четверти XX в.

Календари, и в особенности пекинские издания, наряду с астрономическими, содержат обычно и астрологические сведения. Существуют, разумеется, и отдельные астрологические сочинения, которые нередко включены в сборники наряду со всевозможными гаданиями и приметами. Количество образцов этого вида практической литературы в фонде превышает пятьсот экземпляров.

Поразительно разнообразна тематика этого самого обширного раздела фонда. Среди рукописей, доставленных из самых разных областей расселения монгольских народов, находим гадания о судьбе новорожденного, заболевшего и умершего человека, о свадьбе, о времени отправления в дорогу и о благоприятных для торговли днях. Большое число рукописей включает гадания о счастливых и несчастливых днях, месяцах и годах, о наиболее подходящем времени для валяния войлока, шитья одежды, стрижки и кастрации скота, постройки жилища и т. д. Есть немало сборников плохих примет и толкований сновидений.

Не менее разнообразны и способы ворожбы, которые использовали монголы в своей практике. Это были гадания по бараньей лопатке, по полету и крикам птиц, лаю собак, движениям человеческого тела, по ладони. Гадали монголы при помощи бросания жребия, пяти и девяти монет, белых и черных камешков. Использовались всевозможные гадательные карточки, таблицы и круги. Похоже, монголы сумели впитать все достижения астрологии и гадательной практики, коими обладали народы Центральной Азии и Китая.

Подводя итог краткому обзору фонда, отметим еще раз, что это самая обширная коллекция монгольских рукописей и ксилографов за пределами Монголии, в ней отражены практически все области письменной культуры монгольских народов и ее история за многие столетия. В фонде имеется немало редких, а порой уникальных памятников монгольской письменности, часть которых уже введена в научный обиход. Но еще очень многое предстоит сделать для должного изучения фонда и уяснения его подлинной научной ценности и значимости. И мы надеемся, что в будущем не одно поколение монголоведов с благодарностью вспомнит своих предшественников, потрудившихся разыскать и доставить в Азиатский музей (Институт востоковедения) ценнейшее сокровище, известное ныне как монгольский фонд рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук.

Литература

1. *Heissig W.* Die Peking-er lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache: Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte. Bd. 2. Wiesbaden, 1954 (Göttinger Asiatische Forschungen).

2. *Владимирцов Б. Я.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от проф. А. Д. Руднева // Известия Российской Академии наук. Пг., 1918. С. 1549—1568.

3. *Пучковский Л. С.* Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.; Л., 1954.

4. *Понне Н. Н.* Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. I. Л., 1932. С. 151—200.

5. *Damdinsüring Će.* Mongyol uran ĵokiyal-un degeĵi ĵayun bilig orusibai // Corpus Scriptorum Mongolorum. Т. XIV. Ulaanbayatur, 1959. С. 14.

A. G. Sazykin

THE COLLECTION OF MONGOLIAN MANUSCRIPTS AND XYLOGRAPHS AT THE SP BRANCH OF THE RAS IOS

Among the more than 40 collections of Mongolian manuscripts and xylographs outside of Mongolia, the largest collection is found in the Mongolian section of the Manuscript division of the SP Branch of the RAS IOS (henceforth, the collection). This history of the collection, which contains more than 8,000 items (Mongolian manuscripts and print books), goes back to 1720, when the library of the Kunstkamera acquired its first Mongolian manuscripts, discovered in the ruins of the Buddhist monastery Ablai-xit on the Irtysh.

In the late 19th – early 20th century, the museum began to acquire the collections of such well-known Russian experts on Mongolia as K. F. Golstunskii, A. M. Pozdneev, A. D. Rudnev, Ts. Zh. Zhamtsarano, and B. Ia. Vladimirtsov. The materials they gathered primarily reflected their scholarly interests; hence, it is not surprising that they contain items of the greatest scholarly value – frequently rare, and sometimes unique, texts of Mongolian old-script literature.

This explains why the manuscripts and xylographs brought to the Asiatic Museum (after 1930, the Institute of Oriental Studies) before 1955, which make up the old part of the Mongolian collection and bring together 3,305 items, include nearly all of the collection's works on the history of the Mongolian peoples, materials on their administrative and economic activities, collections of steppe laws, and dictionaries. Manuscript texts of original and translated literature are numerous. It is

only in the old part of the Institute's collection that one can find written recordings of epic and folklore literature.

The new part of the collection (call number Q) differs substantially. More than 5,000 items are today stored under call number Q today. These are primarily canonical, ritual, and religious-moralistic literature. One also finds all manner of reference works on divination and medicine, philology, and «shamanist» prayer.

Peking and Buryat xylograph editions make up a significant part of the new acquisitions.

Among them are fragments of a 14th-century xylograph discovered by P. K. Kozlov in the ruins of a suburgan in Khara-Khoto, a unique xylograph edition of hymns in honor of the Buddhisattva Manjusri in a translation by Ayushi-gushi, two editions of the «*Pañcāraksa*», one of which also contains Ayushi-gushi's translation, two formerly unknown editions of the «*Sungdui*» collection of sutras and tarni (incantations), and a 16-volume, 1734 edition of the «*100,000 Yum*».

The collection includes several rare Mongolian translations of works of the Buddhist canon. One notes, for example, the «*Tarpa chen-po*» by Altangerel ubashi, the «*Sutra of Vimalakirti*» translated by Ergilua Rinchin, and yet another translation (the fifth, anonymous) of the «*Vajrācchedika*».

Ritual and clerical literature is relatively well represented. We find manuals on performing rituals for the contemplation of Buddhist divinities, descriptions of the «lama-yoga» and «guru-yoga» rituals. There are texts with descriptions of rituals of sacrifice to the «three objects of great value» and to lamas-mentors, as well as rituals of the profession of the faith, reading of tarnis, and the magic formula «mani». Texts used during the funeral ceremony occupy a special place. Foremost among them, of course, is the «Book of the dead» and numerous extracts from it, as well as manuscript descriptions of the «phoba» ritual.

Among the ritual and clerical literature, one should include collections of texts used in every-day monastery services.

Buddhist dogmatic literature in the collection is represented by Peking and Buryat xylograph editions of the «*Lam-rim*» by Tszonkhava and commentaries on it, manuscript copies of the

Buddhist catechism «Tonilkhui-yin chimeg» and a series of texts which lay out the basic tenets of the Buddhist teaching of salvation and means of acquiring sanctity.

The collection also includes a good selection of works on Buddhist cosmology. Two works account for the largest number of manuscripts: «*Čhiqula kereglegč*» (11 items) and «*Erdeni šhastr*» (9 items). They contain a Buddhist description of the Universe and manuscript and xylograph descriptions of its various parts, such as the legendary country of Shambala, the Buddhist paradise of Sukavadi, and Buddhist hell.

Hagiographic literature is represented by 30 Peking and Buryat xylograph editions.

The collection also has a significant number of Buryat chronicles and genealogies which are virtually impossible to find in foreign collections. They include works by Jumsunov, Khobituev, Toboev, Tarbaev, and several other Buryat chroniclers of the 19th century.

The «History of the Oirat» by Gaban Sharab is an extremely important work of Oirat historiography. The collection has two Oirat and one Mongolian manuscript of this work.

The most valuable of them are manuscript collections of Mongol-Oirat laws from 1640, «*Yeke čayaža*», and manuscripts of the 18th-century Mongolian law codices «*Khalkha jirum*».

Among the materials in the old part of the collection, one notes the documents and letters, which number approximately 200 items. They include, in particular, an illustrated scroll of the Altan-khan of Tumet dated to 1580, a document from Peter I to the merchant Spiridon Livakosov from 1697, and a copy of the so-called «document of the widow Darmapalova» in square writing by Pagba-lama. There are also letters from the Kalmyk khans Ayuki and Tserin-Dondub from the beginning of the 18th century. The majority of the letters were written in the 19th—early 20th centuries and are addressed to O. M. Kovalevskii (97 letters), G. Gomboev, A. V. Burdukov, and Ts. Zh. Zhamtsarano.

Of special note are the enormous efforts of Russian Mongolian specialists to collect and record Mongolian and Kalmyk folklore. The most successful in this endeavor were G. S. Lytkin, K. F. Golstunskii, A. M. Pozdneev, Ts. Zh. Zham-

tsarano. Thanks in large part to their efforts, the collection today possesses a collection of stories (17 items), proverbs, sayings, riddles (16 items), festive and greeting speeches (26 items), songs (46 items), narratives about Chingis-khan and his exhortations (44 items).

So-called «shamanist» manuscripts are well represented in the collection. In 1932, N. N. Poppe published a description of 70 examples of «shamanist» poetry held in the old part of the collection.

Of no small interest, in our view, is the relatively small heading «Cult of Chingis-khan» (8 items) and «Cult of the emperors» (2 items), which contain rare, and sometimes unique, texts.

Of undoubted significance is the literary part of the collection. It consists primarily of Indo-Tibetan literature.

The collection includes such rarities as a collection of tales from the «Pancatantra», collections of 25 and 35 «Tales of the Magic Deceased». Unique extant manuscript copies preserve for us the Oirat version of the «Tale of Molon-toyn» and the Mongolian version of this tale translated by Altangerel-ubashi. Also unique is the manuscript of «Tale of Chojid-dagini» translated by the South-Mongolian literary figure Lubsan-ligshad-darjai.

Along with translations of Indo-Tibetan story and narrative literature, translations of Chinese novels and stories were widespread among the Mongols. The collections contains manuscripts of 15 translated novels, including such large works as the «Journey to the West» (10 quires), the «Drunken Monk» (26 quires), «Chun-dagini» (29 quires), and «Elevation to the rank of the spirits» (23 quires).

The majority of manuscripts with translations of Chinese novels and stories were brought to the Asiatic Museum by Ts. Zh. Zhamtsarano, A. V. Burdukov, and B. Ia. Vladimirtsov from Peking and Mongolia.

Among works created in Mongolian old-script literature, one can with relative certainty include the «Tale of Gusyulama», a brief narrative of a journey to hell which appeared in Buriatia no earlier than the late 18th—early 19th century.

Mongolian poetry by concrete authors is better represented. One finds here the melancholy and joyful verses of Ishidandzin-vanjil, a partially illustrated collection of humorous verses by Khulch-Sandag, verses by the Ordos poet Keshigbatu, and a poetic surgal (exhortation), the «Paper Bird» by Ravjai.

Buddhist literature of religious-moral content makes up more than 300 items. The bulk of them are small works by Buryat lamas, among which we find numerous works by the superior of the Aga datsan, D. Danjinov. He authored and published a series of books which lay out, for example, the most important demands made by the Buddhist church on its adepts, such as the necessity of venerating one's elders and parents, complete faith in and unwavering obedience to lama-teachers, the diligent study of the Buddha's utterances and the instructions of the Buddhist upper hierarchs.

Examples of geographic literature are, in our view, of undoubted interest. They include 12 manuscripts and Peking xylographs (some rare) with descriptions of monasteries and Buddhist holy places on the mountain Utaishan, as well as ten manuscripts with descriptions of journeys to the holy places of Tibet, Nepal, and India.

The diversity of the abundant specialized practical literature in the collection is striking. 130 items are on medical themes.

The «Philology» section is also extensive and diverse. Grammars of the Mongolian language are represented primarily by xylograph and manuscript editions of the works «*Jirüken-ü tolta*» and «*Kelen-ü čimeg*». One also finds textbooks, phrase-books, and a significant number of print and manuscript primers on Mongolian and Tibetan.

Unlike the numerous philological works, astronomical works in the collection consist of a single Peking edition of a translation of a Chinese astronomical treatise and three brief excerpts from other astronomical works.

Calendars, especially Peking editions, usually contain both astronomical and astrological information.

Among the manuscripts, we find divinations on the fate of a new-born, an ill or deceased person, on weddings, times for travel, and propitious days for commercial activity.

This is the largest collection of Mongolian manuscripts and xylographs outside of Mongolia, and it reflects virtually all areas of the written culture of the Mongolian peoples and its history over the centuries. The collection includes no small number of rare, and sometimes unique, Mongolian texts, some of which have already been introduced into scholarly circulation. Yet much study remains necessary to determine the collection's true scholarly value and significance.

Notes

1. *Vladimirtsov B. Ia.* Mongol'skie rukopisi i ksilografy, postupivshie v Aziatskii Muzei Rossiiskoi Akademii nauk ot prof. A. D. Rudneva [Mongolian manuscripts and xylographs acquired by the RAS Asiatic Museum from prof. A. D. Rudnev], in *Izvestiia Russiiskoi Akademii nauk*. Petrograd, 1918. P. 1549—1568.

2. *Poppe N. N.* Opisanie mongol'skikh 'shamanskikh' rukopisei Instituta vostokovedeniia [Description of Mongolian 'shamanist' manuscripts at the Institute of Oriental Studies], in *Zapiski Instituta vostokovedeniia AN SSSR*. Vol. I. Leningrad, 1932. P. 151—200.
